

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

Наталья Анатольевна Антропова,
доктор филологических наук,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Забайкальский институт предпринимательства
(Чита, Россия), e-mail: naantropova@rambler.ru

К вопросу о функционально-стилистических особенностях разговорного словообразования (на материале русского и немецкого языков)

Несмотря на интенсивную теоретическую и описательную работу в области разговорного словообразования, многие вопросы остаются пока не до конца разработанными. В частности, недостаточно глубоко исследовано разговорное словообразование с точки зрения функционального подхода, позволяющего ответить на вопрос, для чего и с помощью каких средств образуются новые слова в разговорной сфере. В работе разговорное словообразование рассматривается с позиции пяти функций (номинативной, конструктивной, компрессивной, экспрессивной и стилистической), значимость которых далеко не одинакова, как в сравнении друг с другом, так и в сравнении с другими стилями речи. Анализ показал, что разговорная лексика является преимущественно полифункциональной, т. е. одновременно выполняет более одной функции. Специфическая особенность исследования состоит в том, что оно проведено на материале двух языков: русского и немецкого.

Ключевые слова: разговорное словообразование, функциональный аспект разговорного словообразования, номинативная функция, конструктивная функция, компрессивная функция, экспрессивная функция, стилистическая функция.

Natalya Anatolyevna Antropova,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikalian Institute of Business,
Siberian University of Consumer Co-operative Society
(Chita, Russia), e-mail: naantropova@rambler.ru

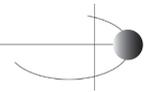
Semantic Analysis and Description as Efficient Means to Study the Vocabulary (using Russian and German Verbs of Conversation)

Although the theoretical and practical studies of the colloquial word formation are rather intensive, still there are a lot of issues which have not been completely investigated yet. The fact is that the conversational word formation has not been profoundly studied in terms of the functional approach which enables us to see what for and how new words are formed in colloquial speech. The given article reveals the conversational word formation in terms of the five functions (nominative, constructive, compressive, expressive and stylistic) whose significance is not at all the same if viewed in comparison with each other and with other functional styles. The analysis proved that the colloquial vocabulary is multifunctional, i. e. it has more than one function. The specificity of the given analysis is in its comparative nature as the linguistic material of two languages – Russian and German was used.

Keywords: colloquial word-formation, the functional aspect of colloquial word-formation, nominative function, constructive function, compressive function, expressive function, stylistic function.

Как показывают проблемно-ориентированные научные исследования последних лет, актуальность разговорной проблематики в целом и разговорного словообразования, в частности, становится всё более очевидной. Даже более того, интерес к данной сфере продолжает расти, о чём свидетельствуют

совсем недавно появившиеся работы, посвящённые или в большей или меньшей степени касающиеся тех или иных аспектов разговорного словообразования. Однако, несмотря на интенсивную теоретическую и описательную работу в данной области, многие вопросы остаются пока не до конца разработанными.

В частности, недостаточно глубоко, на наш взгляд, исследовано разговорное словообразование с точки зрения функционального подхода как к системе разговорного словообразования в целом, так и к отдельным его (про)явлениям, хотя ценность такого подхода неоспорима. Ведь именно функциональный подход, являющийся необходимым дополнением к аналитическому способу описания словообразования, позволяет дать ответы на вопросы «для чего эта система / эти явления вообще существуют» и «как эта система / эти явления своё предназначение (свою функцию) выполняют».

В связи с такой постановкой вопроса, на основе комплексного исследования разговорного словообразования попытаемся в общих чертах охарактеризовать механизм производства разговорной лексики с функциональной точки зрения, проведя при этом некоторые параллели относительно русского и немецкого языков.

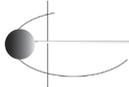
Так, если исходить из различных коммуникативных установок говорящего, можно выделить пять функций словообразования, в частности: 1) создание необходимого наименования – собственно номинативная функция; 2) изменение синтаксического построения речи – конструктивная функция; 3) производство более краткой номинации – компрессивная функция; 4) получение экспрессивной формы выражения – экспрессивная функция; 5) использование средства выражения, соответствующее определённой сфере речи – стилистическая функция [5, с. 8]. Согласно выполняемой функции можно выделить и соответствующие разновидности словообразования: собственно номинативное словообразование, конструктивное словообразование, компрессивное словообразование, экспрессивное словообразование и стилистическое словообразование.

Анализ лексики и в русском, и в немецком языках показал, что вышеназванные пять функций присущи в том числе разговорному словообразованию, однако их значимость далеко не одинакова, как в сравнении друг с другом, так и в сравнении с другими стилями речи.

Как известно, собственно номинативное словообразование призвано создавать номинации для реалий окружающего нас мира. С появлением новых предметов, действий, признаков возникает необходимость их наименования, в результате чего появляются новые слова и выражения. Здесь особо следует подчеркнуть роль словообразования (наряду с заимствованием и семантическим переносом), поскольку для обозначения новых понятий практически не «изобретаются» неизвестные прежде звуковые

комплексы, а широко используются уже существующие словообразовательные элементы. Ср.: *газомобиль, тепловизор, примарситься; Marsmobil, Magnet-Schwebbahn, liften (делать подтяжку лица)* и т. д. Наблюдения показывают, что речь идёт прежде всего о неразговорной (как правило, терминологической) лексике, проникающей в разговорный язык чаще всего через средства массовой информации. Разговорное словообразование уступает в данном случае по своей значимости неразговорному, т. к. новые реалии в бытовой сфере имеют место далеко не столь часто, как в других сферах жизни (техника, наука, общество и т. д.). В качестве примера можно привести не так давно появившееся в разговорном немецком языке существительное *das Schnäppchen*, не имеющее однословного аналога ни среди немецкой нейтральной лексики, ни в русском языке, и обозначающее *неожиданно удачную покупку* – производное от глагола *schnappen* – *хватать, ловить*. Характерно то, что многие слова этого типа отличаются высокой экспрессивностью, особенно, если они рождаются в молодёжной среде. Так, сейчас модные джинсы с низко сидящим поясом получили довольно грубое название *Schnellscheißerhose*, не имеющее аналога в русском языке. Здесь следует отметить, что подобные наименования (Ср. также: *Abschleppöse – пирсинг на животе в виде кольца*) становятся возможными благодаря популярности и высокой продуктивности в немецком языке такого способа словообразования, как словосложение.

Различные словообразовательные средства используются для создания номинаций, актуальных именно для разговорной речи, а не для других сфер применения языка. Так, разговорно-стилистически значимыми являются имена лиц с широким значением принадлежности к каким-либо объединениям (*страховщики, транспортники, налоговщики; Banker, Börsianer*), и, наоборот, конкретизирующие наименования лиц по роду занятий (*компьютерщик; Leitartikler*), наименованию лиц по действию, производимому в момент речи (*сажальщики; Lärmer*), индивидуализирующие имена лиц женского пола вместо обобщённых профессиональных обозначений (*агрономша; Doktorsche*), наименования единичных предметов, принадлежащих к одному ряду (*брючина; Stangerl*), выражения собирательности с пренебрежительным оттенком в отношении лиц (*солдатня; Geschnösel*), наименования незрелых существ (*дошколята; Männli*) и т. д. Проведённое М. В. Лукичевой исследование немецких коллоквиальных неологизмов, содержащихся в словаре Х. Кюппера, позволило ей выделить 12 тематических групп, из которых наиболее круп-

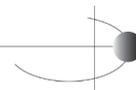

ными оказались: «Характеристика человека», «Политика, экономика», «Современная техника», «Духовная культура», «Одежда, мода». Первое место заняли слова, характеризующие человека: его внешность, типы, поведение. Характерно то, что отдельные слова отражают специфические особенности жизни в стране (*Konservenchrist – прихожанин, посещающий церковь лишь перед праздниками для получения бесплатных наборов продуктов*), а некоторые полисемичные слова входят в состав сразу нескольких семантических групп (*Abgewöhne 1) малопривлекательная девушка, 2) скучное мероприятие, 3) невкусное вино*) [7, с. 37–38]. Следует отметить, что, поскольку в разговорной речи отсутствует жёсткая лексическая кодификация, потенциальные возможности для выражения значений словообразовательными средствами здесь очень широки. Неслучайно разговорной речи свойственно индивидуальное словотворчество, вызванное как самой жаждой словотворчества, так и «нежеланием утруждать себя поисками готового, имеющегося в языке слова или построением сложной синтаксической конструкции» [4, с. 112]. Однако, как отмечает Е. А. Земская, концентрация «слов-одноминуток», создаваемых как в целях номинации, так и в целях языковой игры, не столь велика, как это может показаться. Это объясняется тем, что особенность разговорной речи состоит не в их большей употребительности, а в принципиальной возможности их появления в любом тексте разговорной речи.

В разговорном языке очень широко распространено переименование уже существующих реалий, как давно, так и недавно появившихся. Здесь на передний план выступает заместительная функция номинаций синонимо-дифференцирующего характера. Если по данным Х. Шпарманна среди неологизмов всего словарного состава WDG они составляют 3,8 %, то среди разговорной лексики, по нашим наблюдениям, они представляют собой подавляющее большинство [11, с. 104]. В новых номинативных единицах адекватно территориальному, возрастному, идеологическому, социальному и прочим факторам фиксируется новое отношение к обозначаемому, изменившееся со временем понимание, например, хорошего и плохого, модного и устаревшего и престижного и недостойного и т. д. Разговорное слово – это «не дубль, не повтор литературной номинации, а такое средство, которое имеет отличительные свойства, оправданные для определённых условий общения» [2, с. 112]. Если речь идёт о новых реалиях, то причиной чаще всего является стремление отразить в структуре наименования иные мотивировочные признаки, более

близкие, более актуальные для говорящего, чем те, которые содержатся в имеющемся слове. Так, техническому наименованию в немецком языке было противопоставлено разговорное образование: *Mobiltelefon – Auto-Handi* – разг. *мобильный телефон*. Однако чаще в качестве причины переименования выступает стремление к языковой экономии (ср. русские *девятиэтажка – девятиэтажный дом, наличка – наличные деньги*). И всё же, на наш взгляд, на первый план в качестве причин переименования выходит стремление к эмоционально-экспрессивной оценке обозначаемых реалий. Ср.: *Karriereköfferchen кейс (чемоданчик, обеспечивающий карьеру)*. Переименование позволяет выделить те признаки денотата, которые значимы на данный момент для говорящего, в результате чего появляются всё новые и новые названия для уже давно существующих вещей: *родаки – родители, Kohlenbeschaffer – родители (добытчики денег)*. Поскольку при всём этом номинативная единица одновременно приобретает разговорно-стилевую окраску (осуществляется её коллоквиализация), происходит, как правило, наложение друг на друга сразу нескольких вышеназванных функций, и поэтому мы можем говорить о полифункциональном характере разговорных образований, что в свою очередь может рассматриваться характерной особенностью разговорного словообразования в целом.

Конструктивное словообразование служит целям упрощения синтаксической структуры высказывания путём номинализации пропозиции. Эту функцию берут на себя синтаксические дериваты, которые отличаются от производящих основ не семантически, а лишь принадлежностью к другой части речи. В русском языке это в основном характерные преимущественно для интеллигентско-разговорной речи отглагольные существительные с суффиксом *-ние* (*моржевание, думание*) и отадективные существительные с суффиксом *-ость* (*сердитость, домашность*). В немецком языке соответственно значение отвлечённого действия выражают отглагольные существительные с суффиксом *-ung* (*Abspeisung, Kaltstellung*), а значение отвлечённого признака придают производящим основам, выраженным прилагательными, адъективированными и неадъективированными причастиями, суффиксы *-heit/-keit/-igkeit* (*Blödheit, Patzigkeit, Versoffenheit*). Если вышеназванные словообразовательные типы продуктивны практически во всех сферах языка, то некоторые другие употребляются в основном в разговорной речи для создания слов с яркой разговорной окраской. Так, с помощью

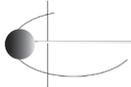
разговорно окрашенных суффиксов *-ка, -ньё, -тьё, -от(а), -ня, -отня, -ож/-еж* часто образуются отглагольные существительные, которые бросаются в глаза своей сниженностью по сравнению с существительными на *-ние* (*прибавка, спаньё, ломота, беготня*); с помощью суффиксов *-ик* и *-ка* прилагательные и числительные преобразуются в существительные (*повторный больной – повторник, персональный автомобиль – персоналка*). В отличие от книжно-литературного языка в немецком разговорном словообразовании в этом плане весьма активна модель отглагольных существительных с общеупотребительными суффиксами *-e* (*Ausgehe, Schelte*) и *-er* (*Lacher, Deuter*). Функцию выражения отвлечённого признака взял на себя суффикс *-e* (*Schnelle, Forsche, Schläue*). В отличие от русского языка специфические разговорные словообразовательные элементы здесь практически не имеют места.

Следует отметить, что в словарях разговорной лексики зарегистрировано относительно небольшое количество синтаксических дериватов. Это, по-видимому, объясняется тем, что конструктивное словообразование активно задействовано в живой речи, где его потенциал практически безграничен. Об этом свидетельствуют быстро появляющиеся и также быстро исчезающие неузуальные образования типа *куролешение, сторожение; оцарапанность, колокольчатость* (примеры Е. А. Земской и В. Н. Виноградовой). Лишь немногие из этих слов проходят испытание временем и, адаптировавшись, занимают своё место в лексиконе.

Целью компрессивного словообразования является сокращение существующих номинативных единиц. Компрессивная функция является одновременно заместительной, поскольку сокращённые единицы в разговорной речи используются вместо имеющихся в языке нейтральных полных наименований. Компрессивное словообразование имеет в своём арсенале различные способы словообразования. Если в русском языке конденсация неоднословных наименований получила очень широкое распространение, причём наиболее продуктивными словообразовательными способами стяжения неоднословных наименований являются суффиксация (*зачётная книжка – зачётка, строгий выговор – строгач, двухкопеечная монета – двушка*), в том числе нулевая (*декретный отпуск – декрет*) и субстантивация (*выходной день – выходной*), то в немецком языке этот способ, представленный в основном усечениями с нулевой морфемой (*emanzipierte Frau – Emanz, pornographischer Film – Porno, kombinierte*

Maschine – Kombi) уступает по своей значимости второму способу – усечению разноструктурных, б. ч. сложных существительных. Это объясняется, на наш взгляд, наличием в немецком языке широкой возможности трансформации словосочетаний в сложные слова, которые, в свою очередь, подвергаются усечению. И в русском, и в немецком языках весьма продуктивен способ одновременного сокращения и сложения, в результате чего образуются композиты типа *пединститут, демсад, порнофильм; Stenokurs, Bioladen, Ökosteuер*. В русском языке универбация при её высокой продуктивности благодаря разнообразию способов компрессии часто приводит к характерному для разговорной речи сосуществованию нескольких наименований для одного денотата (*моторная лодка – моторка – мотор*), равно как и к использованию одного наименования для обозначения разных денотатов (*массовка – массовая экскурсия; массовая газета; массовая сцена или участники массовой сцены*). Часто между неоднословными наименованиями и суффиксальными стяжениями стоит средний член, выраженный субстантивированным прилагательным: *комиссионный магазин – комиссионный – комиссионка* (примеры В. Н. Виноградовой).

Функцию конденсации выполняют также различного вида усечения существительных. В русском языке имеют место усечения аффикса (*компьютер – комп*), одной из основ сложносокращённого слова (*пединститут – пед, госэкзамены – госы*), основы слова (*блицтурнир – блиц*), иногда в соединении с суффиксацией (*видеоаппарат – видик*). В немецком языке усечение существительных – широко растространённое явление. При этом наиболее продуктивными являются характерные именно для немецкого разговорного словообразования модели образования инициальных односегментных усечений (*Alk – Alkohol, Abi – Abitur, Franz – Französisch, Labor – Laboratorium*) и многосегментных слоговых аббревиатур (*Kiwi – Kirschwhisky, Stupa – Studentenparlament*). Кстати сказать, такой способ усечения не столь популярен в русском, как в немецком, и многие усечения непривычны и/или непонятны для непосвящённых людей (ср.: *маг – магнитофон, но бад – бадминтон, кат – катамаран*). И в русском, и в немецком языках имеет место усечение второго компонента сложного слова: *блиц – блицтурнир, супер – суперобложка, Hack – Hackfleisch, Klausur – Klausurarbeit*. При этом возможны эквивалентные образования: *Butter – Butterbrot = бутер – бутерброд*. Для немецкого языка характерно, как и

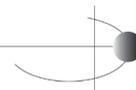
для русского (*мелик, общага, стипуха*), сочетание усечения с суффиксацией (*Fauster – Fausthandschuh, Filzi – Filzstift, Anarcho – Anarchist*), однако в русском возможностей для образования таких слов больше. Кроме того практически все русские существительные имеют фамильярно-разговорную, часто жаргонную окраску, чего нельзя сказать о немецких существительных (ср.: *Laster = Lastkraftwagen*). В русском языке сложносокращённые слова типа *дурдом* немногочисленны, чаще всего они имеют игровой характер (ср. русск. *членовоз = длинная чёрная автомашина*, образованное по аналогии с *паровоз, электровоз* и др.). В немецком языке узуальных сложносокращённых слов типа *Schokoeis*, усечённый компонент которых в свободном употреблении не встречается, также немного. Как особый вид аббревиации в обоих языках представлены контаминированные образования (*хрущоба, Demokatur*). В обоих языках встречаются нерегулярные звуковые преобразования базовой основы: *галлюцинации – глюки, Abiturient – Abirint*.

Усечение и универбацию исследователи склонны относить к специфическим разговорным способом словообразования (с чем нельзя не согласиться), т. к. они обладают высокой продуктивностью в разговорной речи, в то время как в кодифицированном литературном языке в качестве узуальных слов встречаются нечасто (*метро, электричка, открытка*). Кстати сказать, эти способы словопроизводства довольно широко распространены в профессиональных языках или в языках ограниченных социальных групп, причём образуемая таким образом лексика используется в обиходе, но не в официально-деловом общении (ср.: *оперативка, анатомичка, расчленёнка, массовка, зачётка*). В публицистической литературе такого рода слова используются, как правило, после официально-нейтрального наименования, либо стоят в кавычках. Некоторые слова-конденсаты имеют помимо разговорной окраски фамильярный и/или эмоционально-экспрессивный оттенок.

Принцип языковой экономии наглядно проявляется и в семантической конденсации, т. е. «использовании минимального количества средств в языке в единицу времени при максимальном уплотнении, конденсации содержательной стороны речи» [9, с. 181]. В немецком языке этот принцип находит своё выражение кроме прочего в широком распространении словосложения как способа словообразования. Образованные этим способом разговорные существительные представляют собой, как правило, семантически объёмные идиоматичные композиты с максимальной

концентрацией заложенной в них информации. Ср.: *Bonbonpfennig – конфета вместо сдачи мелкой монетой, Korpelfrauen – женщины, взаимно помогающие друг другу* (в то время как одна работает, другая занимается домашним хозяйством и её детьми). Ярким примером стремления к экономичной конденсации является тенденция использования в сложных словах в качестве определителя словосочетаний и предложений: *Wirf-es-weg-Produktion, Leck-mich-am-Arsch-Gefühl*. Не случайно в печати можно встретить большое количество окказионализмов, образованных по данной модели (примеры Н. В. Макаровой): *Kaum-zu-glauben-Preis, Britisch-Rindfleisch-Verweigerer, Kein-Bier-vorvier-Trinker*. Кстати сказать, при словосложении семантическая компрессия, как правило, сочетается с линейной компрессией, т. е. редукцией компонентов, эксплицитно выражающих грамматические (синтаксические) отношения в раздельно оформленных номинациях. В разговорном языке, в отличие от других сфер, почти не встречаются случаи только линейной компрессии, выполняющей исключительно функцию замещения и упрощения синтаксического словосочетания, типа *Solidaritätswoche = Woche der Solidarität*.

Если номинативная функция ориентирована на отношение «знак – предмет», то экспрессивная функция – на отношение «человек – знак». Экспрессивное словообразование является источником возникновения производных слов, выражающих субъективно-оценочное отношение говорящего к обозначаемому денотату, равно как к адресату речи и ситуации общения. Кстати сказать, исследования учёных свидетельствуют об усилении экспрессивно-эмоциональной функции современного языка [10, с. 235]. Именно разговорный язык предоставляет многообразные способы и средства выражения эмоционально-субъективной оценки предметов и явлений окружающего нас мира. Здесь речь идёт в первую очередь об уменьшительных (*морозец; Nörchen*) и увеличительных образованиях (*жарища; Mordshaus*), об экспрессивно-эмоционально-оценочных наименованиях лица (*добряк, трепач; Saufbold, Schnatterliese*), о наименованиях, содержащих разную степень интенсивности признака (*высоченный; Riesenappetit*), об обобщённых словах-характеристиках (*вкуснятина; Leckerei*) и т. д. Сферу экспрессивного словообразования обслуживает целый ряд словообразовательных элементов, специфических для разговорного языка. В русском языке это, например, суффиксы *-аг(а), -уг(а), -ак(а), -ук(а), -ах(а), -ух(а), -уш(а), -ох(а), -ыш, -ул(а),*

-ун(а), -ун, -ач и др. [4, с. 125]. В немецком языке это, например, суффиксы *-bold*, *-l*, *-sche*, *-ke*, *-erl*, *-i*, однако их состав значительно беднее, чем в русском (в немецком языке фактически отсутствуют увеличительные суффиксы), поэтому их функцию взяли на себя многочисленные полусуффиксы типа *-sack*, *-maul*, *-hengst*, *-fritze*, *-liese* и др. Наряду с широко распространённым пейоративным словообразованием разговорной сфере свойственно стилистическое завышение оценочного восприятия денотата: *Raumpflegerin* = *Putzfrau*, *Straßenreiniger* = *Betriebshelfer*. Помогают избежать употребления нежелательной лексики слова-эвфемизмы типа *Allerwerteste* – *зад*, *Freitod* – *самоубийство*, *Treibhaus* – *молод. бордель* и звуковые подобию типа *Armloch* вместо *Arschloch*). Экспрессивность разговорной лексики возрастает за счёт вкрапления в структуру слова сниженных метафор, чаще всего иронической или юмористической направленности. Кстати сказать, метафоры являются своеобразным средством языковой экономии, поскольку обеспечивают краткость и точность выражения какого-либо пространного содержания: *Rabeneltern* – *родители, бросающие своих детей на произвол судьбы*. Особенность разговорной лексики такова, что потенциально заложенная в ней оценочная коннотация, иногда противоположной направленности (пейоративная и мелиоративная) часто может актуализироваться только в определённом контексте или конситуации. Другой отличительной особенностью экспрессивной лексики можно назвать явление так называемой ксеноденотатной переадресованности лексических сем (термин В. Д. Девкина), которая заключается в том, что сема оценочности, заключённая в слове, распространяется не на обозначаемый словом денотат, а на другой денотат, участвующий в процессе коммуникации. В качестве типичного примера обычно приводится использование уменьшительных образований для выражения ласкового или нежного отношения к собеседнику (ребёнку, больному и т. п.). Это может быть также выражением заискивания или преувеличенной вежливости, предупредительности, иногда – восхищения или эйфории, а в некоторых случаях – неодобрения, неудовольствия или язвительности.

Стилистическое словообразование служит целям «коллоквиализации» номинативных единиц, которые в отличие от рассмотренных выше не несут никакой экспрессии. Такие слова содержат минимум сверхденотатной информации (только разговорную окраску), вся остальная разговорная лексика информативно сложнее [2, с. 109]. Продуктив-

ным средством стилистической модификации является суффиксация. В словообразовании имеются суффиксы, играющие только или преимущественно стилистическую роль. В русском языке это в первую очередь суффикс *-к(а)*, который кроме разговорной окраски ничего не добавляет к значению производящей основы (часто происходит изменение производящей основы в виде усечения): *табурет* – *табуретка*, *сковорода* – *сковородка*, *картофель* – *картошка* и др. Реже для этой цели используется суффикс *-ик*, который может присоединяться и к аббревиатурам: *нож* – *ножик*, *ГАЗ* – *газик*. В немецком языке коллоквиализация неразговорных наименований осуществляется посредством присоединения как суффиксов (*Radies* – *Radieschen*, *Schlag* – *Schlagertl*), так и полусуффиксов (*Mann* – *Mannsbild*, *Frau* – *Frauensperson*). Если в разговорном языке такие слова являются нейтральными, то в книжной литературе они привлекут внимание своей сниженностью, выраженной в большей или меньшей степени. При общении они допускаются в тех случаях, когда отношения между говорящими характеризуются определённой близостью и допускают некоторую фамильярность. В. Д. Девкин называет такие слова экватами. Следует однако отметить, что чаще всего коллоквиализация неразговорных наименований осуществляется при участии компрессивного словообразования, при этом наиболее продуктивными путями являются конденсация неоднословных наименований (универбация) и усечение слов. Если в русском языке преобладает компрессия словосочетаний, то в немецком на первый план выдвигается компрессия сложных слов (*Kleber* = *Klebstoff*, *Fernseher* = *Fernsehgerät*, *-zuschauer*). Кроме того, некоторые суффиксы придают словам настолько сильно выраженный разговорно-фамильярный оттенок, что становится очевидной экспрессивность образования (Ср.: *речуга*, *даваха*, *бумаженция*). В немецком языке из-за незначительного арсенала разговорных словообразовательных средств коллоквиализация нейтральной номинации достигается нередко за счёт нарушения регулярной морфемной сочетаемости. В. Д. Девкин отмечает, что, «если возникнет сомнение в правомерности отнесения семантически не осложнённых слов к разговорным, наличие нейтрального слова должно это сомнение развеять» [2, с. 109].

В заключение следует отметить, что функциональный подход к разговорному словообразованию позволил нам сделать определённые выводы. Во-первых, все разновидности производных слов выполняют но-

минативную функцию (в отличие от собственно номинативной), которая является базовой, а, во-вторых, большинство из них являются полифункциональными, т. е. одновременно выполняют более одной функции. Именно полифункциональность разговорного слова, его способность нести в себе помимо референтной отнесённости и другую информацию, позволяет придать разговорной речи неповторимый колорит. Наличие в большинстве раз-

говорных слов эмоционально-экспрессивно-оценочной окрашенности позволяет говорить о доминировании экспрессивной функции словообразования над собственно номинативной. Компрессивное словообразование представлено также достаточно широко, а вот конструктивная функция для разговорного словообразования не столь характерна, как для кодифицированного литературного языка.

Список литературы

1. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М. : Наука, 1984.
2. Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М. : Высшая школа, 2005.
3. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М. : Азбуковник, 1999.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992.
6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 90–141.
7. Лукичева М. В. Роль коллоквиальных неологизмов в обогащении синонимии // Парадигматические характеристики лексики. М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. С. 34–42.
8. Макарова Н. В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
9. Устименко И. А. Семантический конденсат с точки зрения его стилистической принадлежности // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2001. С. 180–186.
10. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отражении. М. : Моск. ассоц. лингвистов-практиков, 1998.
11. Sparmann H. Neues im deutschen Wortschatz unserer Gegenwart // Sprachpflege. 1979. H. 5. S. 103–105.

Spisok literatury

1. Vinogradova V. N. Stilisticheskij aspekt russkogo slovoobrazovanija. M. : Nauka, 1984.
2. Devkin V. D. Nemeckaja leksikografija. M. : Vysshaja shkola, 2005.
3. Ermakova O. P., Zemskaja E. A., Rozina R. I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'. Tolko-vyj slovar' russkogo obwego zhargona. M. : Azbukovnik, 1999.
4. Zemskaja E. A. Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija. M., 1987.
5. Zemskaja E. A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'. M. : Nauka, 1992.
6. Zemskaja E. A. Aktivnye processy sovremennogo slovoproizvodstva // Russkij jazyk konca HH stoletija (1985–1995). M. : Jazyki rus. kul'tury, 1996. S. 90–141.
7. Lukicheva M. V. Rol' kollokvial'nyh neologizmov v obogawenii sinonimii // Paradigma-ticheskie harakteristiki leksiki. M. : MGPI im. V. I. Lenina, 1986. S. 34–42.
8. Makarova N. V. Kollokvial'nye substantivnye kompozity v sovremennom nemeckom jazyke : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004.
9. Ustimenko I. A. Semanticheskij kondensat s točki zrenija ego stilisticheskoi prinadlezhno-sti // Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij. Voronezh : Izd-vo Voro-nezh. gos. ped. un-ta, 2001. S. 180–186.
10. Shaposhnikov V. N. Russkaja rech' 1990-h. Sovremennaja Rossija v jazykovom otrazhenii. M. : Mosk. assoc. lingvistov-praktikov, 1998.
11. Sparmann H. Neues im deutschen Wortschatz unserer Gegenwart // Sprachpflege. 1979. H. 5. S. 103–105.

Статья поступила в редакцию 31 марта 2012 г.